

БЕСПЛАТНО

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Институт языкознания

4
Ш-25

На правах рукописи

Т. С. Шарадзенидзе

М III

КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ
И ИХ ПРИНЦИПЫ

Автореферат

диссертационной работы, представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Издательство Академии Наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1955

200000000 № 450
2/6 - 20/100 1955

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Институт языкознания

На правах рукописи

4
Ш-25

Т. С. Шарадзенидзе

КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ
И ИХ ПРИНЦИПЫ

Автореферат

диссертационной работы, представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Издательство Академии Наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1955

ВВЕДЕНИЕ

Проблема классификации языков является одной из основных проблем общего языкознания. В науке о языке известно несколько классификаций: генеалогическая, морфологическая, психологическая, стадияльная и др. Эти, построенные на разных принципах, классификации связаны с определенными общелингвистическими концепциями. Поэтому необходимо каждую классификацию языков рассматривать в связи с соответствующей теорией, определяющей ту или иную интерпретацию данной классификации и ее место в языкознании. Наглядным примером этого служит генеалогическая классификация, которая внутренне связана с сравнительно-историческим языкознанием. Позиции этой классификации остаются незыблемыми, пока языкознание твердо держится принципов историзма. Отход от исторической точки зрения влечет за собой умаление значения генеалогической классификации. Именно этим объясняется отрицательное обычно отношение к генеалогической классификации языков в современном идеалистическом языкознании, которое характеризуется ярко выраженными антиисторическими тенденциями. Той же причиной вызвано появление таких антиисторических классификаций, как союзы языков и стадияльная классификация, которые противоплагаются генеалогической классификации языков.

Решение проблемы классификации языков имеет не только чисто теоретическое значение, оно важно и с точки зрения исследования конкретных языков, поскольку с каждой классификацией связан определенный метод изучения языков (так, например, с генеалогической классификацией связан сравнительно-исторический метод, со стадияльной классификацией — палеонтологический «метод» и т. д.).

Учитывая важность классификации языков, классики марксизма-ленинизма обращали внимание на эту проблему при

рассмотрении вопросов языкознания. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно останавливались на генеалогической классификации, в трудах же И. В. Сталина по вопросам языкознания дана оценка двух классификаций языков: генеалогическая классификация признана полезной для изучения внутренних законов развития языка, а стадияльная классификация Н. Я. Марра охарактеризована как идеалистическая, лженаучная классификация.

В нашем труде критически проанализированы 7 классификаций языков: 1) генеалогическая классификация, 2) морфологическая классификация, 3) психологическая классификация, 4) концептуальная классификация, 5) классификация по языковым кругам, 6) стадияльная классификация, 7) классификация по языковым союзам.

Эти классификации отличаются друг от друга по своему значению. Некоторые из них имеют ныне только историческое значение (напр., психологическая классификация Штейнталя), но поскольку монография посвящена проблеме классификации языков, мы сочли необходимым рассмотреть принципы всех более или менее распространенных классификаций, связанных с определенными этапами развития науки о языке.

Такой обзор тем более нужен, что в специальной литературе не имеется систематического, полного анализа, охватывающего все классификации языков. Помимо того выясняется, что даже в тех случаях, когда вопрос считается сравнительно лучше изученным (напр., относительно морфологической классификации языков), некоторые общераспространенные положения требуют уточнения или поправок.

В соответствии с анализируемыми классификациями настоящей труд состоит из семи частей, в которых принципы классификаций языков и связанные с ними теоретические проблемы разбираются в следующей последовательности:

Ч. I. Генеалогическая классификация языков состоит из семи глав. В первой главе излагаются основные положения, на которых зиждется генеалогическая классификация языков. Вместе с тем рассмотрены и принципы применения сравнительно-исторического метода, как средства установления генеалогической классификации.

Вторая глава посвящена истории установления принципов, лежащих в основе генеалогической классификации языков. Эти

принципы были выработаны в процессе изучения индоевропейских языков, а в дальнейшем их стали применять и для исторического исследования других семей языков. Поэтому, в основном мы касаемся истории изучения индоевропейских языков, в той мере, в какой это необходимо для интересующего нас вопроса.

Так как родственные языки образуются в результате процесса дифференциации, следует выяснить, в каких условиях и каким образом протекает этот процесс. Для полного выявления сущности процесса дифференциации необходимо коснуться и процесса интеграции языков, который по своему направлению и по своим результатам противостоит процессу дифференциации языков. Эти процессы рассмотрены в третьей главе.

Четвертая глава посвящена проблеме мешанных языков, представляющих собой результат скрещения (смешения) языков. Целью этой главы является выяснить, какими особенностями характеризуются мешанные языки и как влияют эти особенности на генеалогическую классификацию языков.

В пятой и шестой главах представлена критика тех положений, которые выдвигались против генеалогической классификации представителями разных направлений в языкознании.

В заключительной, седьмой, главе рассмотрены два основных вопроса: 1) в чем заключается исключительное значение генеалогической классификации для языкознания, 2) каких результатов мы можем достигнуть посредством сравнительно-исторического изучения родственных языков и какие препятствия встречаются при этом.

Ч. II. Морфологическая классификация языков состоит из четырех глав. В первых трех главах представлен критический анализ концепций основоположников морфологической классификации Фр. Шлегеля (гл. I), Вильг. Гумбольдта (гл. II) и Авг. Шлейхера (гл. III), некоторые ошибочные положения которых не вполне изжиты и поныне. Четвертая глава посвящена основным вопросам морфологической классификации языков, актуальным с точки зрения современного языкознания.

Ч. III. Психологическая классификация языков, авторами которой являются Г. Штейнталь и Ф. Мистели, мало изучена. В руководствах по языкознанию эта классификация или вовсе не затрагивается или же упоминается только вскользь. Между тем,

такое игнорирование психологической классификации не оправдано. С именем Г. Штейнталя, как основоположника психологического направления, связан определенный этап в развитии науки о языке. Нельзя оставлять без внимания его классификацию, внутренне связанную со всей концепцией автора, тем более, что классификации языков Г. Штейнталь посвятил специальный труд.

Если изучение психологической классификации Г. Штейнталя имеет чисто историческое значение, то в переработке Ф. Мистеля она не лишена актуальности и с современной точки зрения, вследствие того, что сравнительно с традиционной морфологической классификацией языков в ней выделены новые типы. Принимая во внимание вышеприведенные обстоятельства, мы довольно подробно останавливаемся на этой, почти забытой, классификации языков.

В IV части анализируется концептуальная классификация языков Эд. Сепира, предложенная им взамен традиционной морфологической классификации языков.

В V части критически рассмотрена классификация по языковым кругам австрийского этнолога и языковеда В. Шмидта.

Ч. VI. Стадиальная классификация языков занимала одно из центральных мест в так наз. «новом учении» о языке, глубокая ошибочность которого была вскрыта в трудах И. В. Сталина. В настоящей работе рассмотрена стадиальная классификация языков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова.

Ч. VII. Классификация по языковым союзам. Возникнув всего четверть века тому назад, классификация по языковым союзам нашла широкое распространение в зарубежном языкознании. Причину этого следует искать не столько в достоинствах данной классификации (ибо она не опирается на единую, последовательную теорию), сколько в том, что она противопоставляется генеалогической классификации языков. В учении о союзе языков обнаруживается отрицательное отношение к понятию изначального родства языков, характерное для современного зарубежного языкознания. Поэтому мы сочли нужным не только дать критический анализ понятия «союза языков», но вместе с тем

показать необоснованность аргументов, выдвигаемых последователями этой, модной в зарубежном языкознании, классификации против генеалогической классификации языков.

Ниже приведены основные положения настоящего труда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(стр. 1—295)

Гл. I. Принципы генеалогической классификации языков

1. Генеалогическая классификация языков основывается на материальном родстве языков. Группу (семью) родственных языков составляют языки, имеющие общее происхождение, т. е. возникшие путем дифференциации территориальных диалектов одного и того же языка, называемого языком-основой.

2. Термины, связанные с генеалогической классификацией (родство, семья языков и др.) заимствованы из естественных наук, но в языкознании они употребляются в совершенно ином смысле. Язык — явление общественное, а не биологическое; поэтому и родство языков не имеет ничего общего с биологическим родством, с делением на расы.

3. Хотя вопрос об изначальном родстве индоевропейских и семитских или индоевропейских и финно-угорских языков пока окончательно не решен, но принципиально вполне допустимо, чтобы некоторые семьи языков оказались родственными. Это обстоятельство не дает нам основания предполагать, как то делали некоторые лингвисты (напр. М. Мюллер, А. Тромбетти, Ф. Финк), что все языки мира возникли из одного языка-основы и, следовательно, все они являются родственными.

4. Родство языков устанавливается посредством сравнительно-исторического метода. Вопрос о родстве языков не решается на основе наличия одинаковых специфических звуков, грамматических категорий или морфологических типов в разных языках, так как аналогичные схождения не исключаются и в неродственных языках.

На материальное родство языков указывают регулярные звуковые соответствия, являющиеся результатом закономерного изменения общего исход-

ного материала и, поэтому, имеющие место только лишь в родственных языках.

Звуковые соответствия выявляются в лексическом составе и грамматическом строе родственных языков. Вследствие неравномерного развития различных составных частей языка, звукоответствия более всего сохраняются в самых устойчивых частях системы родственных языков, — в первую очередь, в морфологическом инвентаре и в основном словарном фонде, которые вместе образуют основу языка.

Гл. II. Из истории генеалогической классификации языков

Из краткого обзора истории генеалогической классификации языков явствует, что эта классификация теснейшим образом связана с историческим языкознанием. Наука о языке возникла как историческая наука, а историческое изучение языков, со своей стороны, стало возможным лишь после того, как подметили родство языков по происхождению и для выявления этого родства начали применять сравнительно-исторический метод. Таким образом, установление генеалогической классификации языков явилось одной из главных причин, обусловивших зарождение исторического языкознания.

Гл. III. Процесс дифференциации языков и его отношение к процессу интеграции языков

1. Дифференциацией в языкознании называется процесс, в результате которого язык распадается на несколько самостоятельных языков и, таким образом, из одного языка возникает несколько родственных языков. Образование диалектов является только первой ступенью дифференциации.

Процесс дифференциации языков протекает в зависимости от общественных условий: дифференциация языков является результатом расчленения говорящего на одном языке общества и прекращения контакта между выделившимися частями. Обособившиеся таким образом территориальные диалекты развиваются в разных условиях и в конце концов превращаются в самостоятельные родственные языки.

2. Для процесса интеграции или унификации характерным является взаимовлияние языков, ведущее к их сближению.

Термин интеграция языков объемлет три процесса: заимствование, скрещение (смешение) и слияние языков. С лингвистической точки зрения они отличаются друг от друга по степени интенсивности взаимовлияния языков.

Названные три вида интеграции протекают в разных общественных условиях: скрещение и слияние возможны лишь при особенно тесном контакте между говорящими на разных языках обществами, заимствование же не требует такого тесного контакта. Условия интеграции языков существенно различны в классовом и в будущем бесклассовом обществах. Вследствие этого интеграция в классовом обществе принимает вид скрещения, в будущем же бесклассовом обществе мы будем иметь слияние языков.

3. Обязательным лингвистическим условием для скрещения является двуязычие, во время которого языковые явления проникают из одного языка в другой. При этом во время скрещения двух языков отнюдь не создается третий, а побеждает один из двух (И. В. Сталин).

4. Борьба языков, происходящая при их скрещении, обычно является отражением борьбы за господство неравноправных народов и наций. Исход этой борьбы определяют не качества самих языков, а конкретно-исторические условия общественной жизни говорящих на них народов и наций. Поэтому совершенно неоправдано мнение некоторых зарубежных лингвистов (А. Мейе, Ж. Вандриеса), считающих, что якобы «престиж» и «сравнительная сила» языка являются решающими факторами, от которых при скрещении зависит победа одного языка над другим.

А. Мейе, который при рассмотрении процесса дифференциации языков высказывает ряд заслуживающих внимания соображений, дает по существу ошибочное освещение процесса унификации языков. Считая унификацию основным процессом в развитии современных языков, А. Мейе обходит молчанием вопрос о том, что французский, английский и немецкий языки, которые он считает великими языками цивилизации, распространились далеко за пределы своей родины в результате насильственной ассимиляции народов колониальных стран.

5. В противовес утверждениям некоторых языковедов, романские языки не являются результатом скрещения. Скрещение

латинского языка с рядом языков бывшей Римской империи закончился победой латинского языка и исчезновением местных языков. Уже после завершения процесса скрещения латинского языка с местными языками в результате государственного распада Римской империи создались благоприятные условия для дифференциации. Романские языки возникли в результате этой дифференциации, последовавшей за скрещением. Без распада Римской империи из латинского языка не возникли бы романские языки, несмотря на то, что этому предшествовала ассимиляция местных языков с латинским языком.

6. Из вышесказанного следует, что дифференциация языка осуществляется не только в результате деления общества по причине количественного роста однородного населения, но также и в случае распространения языка среди нового населения, когда дифференциации, происходившей вследствие государственного распада, предшествует скрещение языка победителей с языком побежденных. Необходимо разграничить эти два случая дифференциации. В то время, как первый из них характерен для первобытно-общинного строя, второй более распространен в классовом обществе. Между тем в языкознании замечается неоправданная тенденция придавать преувеличенное значение второму случаю дифференциации языков и считать почти единственной причиной этого процесса распространение языка-основы среди иноязычного населения.

7. Удельный вес процессов дифференциации и интеграции в различные исторические эпохи бывает неодинаков: в родовом обществе господствует дифференциация. В классовом обществе процесс дифференциации не является интенсивным, наоборот, преобладает интеграция путем скрещения. При капитализме процесс дифференциации обычно не наблюдается, скрещение же языков исключительно интенсивно. Интеграция исключена во время победы социализма в одной или нескольких странах, а также в первый период победы социализма в мировом масштабе. Только во второй период победы социализма во всем мире произойдет интеграция путем слияния языков.

Развитие языков совершается не от одного языка ко многим и не от многих языков к одному, а от сравнительно небольшого коли-

чества языков к многоязычию, а затем к зональным языкам и единому мировому языку.

8. Выделение родственных языков из языка-основы является сложным процессом. В каждом конкретном случае, в зависимости от общественно-исторических условий, дифференциация языка носит своеобразный характер. Поэтому взаимоотношения языков каждой группы становятся предметом специального изучения; невозможно установить единую схему дифференциации всех групп родственных языков.

Гл. IV. Мешанные языки и языковое родство

1. Мешанные языки состоят из двух или нескольких слоев разного происхождения. При этом эти слои по своему объему и значению неравнозначны. Основным является слой победившего при скрещении языка, основной словарный фонд и грамматический строй которого определяют качество мешанного языка.

2. Так называемые «языковые гибриды», в смешении которых, по мнению некоторых лингвистов, разные языки принимают одинаковое участие, являются лишь своеобразными жаргонами, находящими применение в очень узкой сфере человеческой деятельности.

3. Значительно уступая слою языка победителей, удельный вес слоя, восходящего к побежденному языку или языку-субстрату, может колебаться в зависимости от условий, в которых происходило скрещение.

4. Спорным является мнение, в силу которого при скрещении морфология представляет совершенно непроницаемую сферу языка. Безусловно, заимствование аффиксов, в особенности формообразующих, происходит редко, но анализ мешанных языков убеждает нас в том, что не исключена возможность перехода морфологических элементов из одного языка в другой. Такие заимствования отнюдь не нарушают целостности грамматической системы победившего языка.

Влияние субстрата на язык победителей объясняется тем, что народ, привыкший говорить на родном языке, не овладевает в совершенстве навязанным ему языком.

Из языка-субстрата в победивший язык могут проникнуть не только слова, звуки, аффиксы и синтаксические конструкции,

но также и некоторые языковые навыки и тенденции. В результате этого двуязычное население употребляет в навязанном ему языке ударение, свойственное его родному языку, избегает звуковых комплексов, чуждых этому последнему и, что особенно важно, производит такие изменения (ассимиляцию, диссимиляцию, редукцию, субституцию...), которые характерны для языка-субстрата. Все эти особенности, усваиваемые новыми поколениями от старых, могут создать основу для ответвления территориальных диалектов в победившем языке.

5. Не соответствует действительности утверждение Руссло и А. Мейе, что языковые особенности переходят по наследству, что «каждому населению присущи некоторые наследственные тенденции, не меняющиеся в результате перехода людей с одного языка на другой и определяющие в их новом языке значительные перемены» (А. Мейе).

В сохранении тенденций субстрата играет роль не наследственность, а непрерывность передачи языка от одного поколения другому. Влияние субстрата сказывается только там, где иноязычное население представляло компактную массу. Это указывает на общественный, а не биологический характер этого явления. Кроме того, если изолировать новое поколение от старого и воспитать его в среде, свободной от влияния субстрата, то это поколение начнет говорить точно так же, как говорят в окружающей его среде. Это обстоятельство также подтверждает ошибочность взгляда о наследственности языковых навыков.

Гл. V. Критика идеалистических воззрений о родстве языков

1. Критическое отношение к теории родства языков возникает в языкознании в связи с усилением интереса лингвистов к изучению взаимовлияния (в особенности смешения) языков.

Трудности, возникающие при сравнительно-историческом изучении мешанных языков, побудили Г. Шухардта и И. Бодуэна де-Куртенэ попытаться перестроить теорию родства языков.

Применяя к родственным языкам принцип лингвистической географии, Шухардт считал, что между родственными языками, как и между диалектами одного и того же языка, не существует

резких границ. Исходя из этого предположения, Шухардт ставил под сомнение возможность классификации родственных языков.

Аналогичное мнение высказывал и Бодуэн де-Куртенэ.

Как Шухардт, так и Бодуэн де-Куртенэ считали все языки мешанными, при этом они предполагали, что мешанные языки не поддаются генеалогической классификации, поскольку одновременно находятся в родстве с несколькими языками и, следовательно, могут быть отнесены к различным семьям языков.

Шухардт выделил три возможных случая родства языков: а) родство по происхождению или историческое родство, б) заимствование и в) элементарное родство, или параллельное развитие языков. Вместе с тем, по мнению Шухардта, не всегда удается выяснить, с каким из названных случаев имеем дело.

2. Основным недостатком воззрений Шухардта и Бодуэна де-Куртенэ является нечеткое разграничение процессов дифференциации, смешения и параллельного развития языков. Кроме того, у названных авторов преувеличена трудность классификации мешанных языков. Неправильно также считать все языки мира мешанными. Что же касается препятствий, встречающихся при установлении родства языков, то они вовсе не дают основания сомневаться в возможности и полезности изучения изначального родства языков.

3. Значительный толчок к усилению критики принципов родства языков дало выступление ван-Гиннеке на третьем международном конгрессе лингвистов в 1933 г. Начиная с этого времени, скептическое отношение к теории родства в идеалистической лингвистике принимает всеобщий характер. Вместе с тем слабеет интерес к сравнительно-историческому изучению конкретных языков.

Критика понятия родства языков встречается у представителей различных школ современного идеалистического языкознания. Против традиционного понимания родства языков выступают Пизани, Брёндааль, Трубецкой, Якобсон, Бонфанте и др. лингвисты.

Аргументы, выдвигаемые в современном языкознании против понятия родства языков, те же, что и у Шухардта:

а) Указывается на трудность классификации мешанных языков.

б) Рядом с родством по происхождению или изначальным родством выделяются вторичное родство или сродство (Affinität) и элементарное родство языков. При этом выдвигается положение, что эти три случая родства часто невозможно отграничить друг от друга.

4. Анализ воззрений современных зарубежных лингвистов показывает, что нападки на теорию родства вызваны неправильным пониманием процессов сближения и параллельного развития языков. В результате такого неправильного понимания различные процессы развития языков (дифференциация, сближение, параллельное развитие) смешиваются друг с другом, что вызывает научно неоправданную недооценку значения изначального родства языков.

Отрицательное отношение к изучению генетического родства языков усиливается благодаря антиисторическим установкам, столь характерным для современного идеалистического языкознания.

Выявление источника ошибочных выводов вышерассмотренных идеалистических течений в отношении вопроса о родстве языков особенно настойчиво выдвигает перед нами задачу тщательной разработки проблем смешения и параллельного развития языков.

Гл. VI. Так наз. «новое учение» о языке и генеалогическая классификация

1. Ополчаясь против возможности родства языков по происхождению, Н. Я. Марр и его последователи заявляли, что:

а) Развитие языков обусловлено только лишь процессом скрещения, а не процессом дифференциации.

б) Родственные языки не могли возникнуть из одного общего языка, так как общие языки создаются на более поздних этапах развития общества. При этом признание возможности возникновения из одного языка-основы нескольких языков квалифицировалось, как проявление теории «праязыка».

в) Допущение родства языков по происхождению, по мнению Н. Я. Марра, ведет к расизму.

2. В действительности дифференциация является таким же закономерным процессом в развитии языков, как и интеграция.

Следовательно, лишено основания положение Н. Я. Марра о том, что скрещение представляет собой единственный процесс, составляющий содержание исторического развития языков. Все родственные языки без исключения обнаруживают больше близости в прошлом, чем в последующие эпохи. Отсюда ясно, что эти языки возникли в результате процесса дифференциации, а не интеграции.

3. Искаженную картину процессов дифференциации и интеграции языков дает марровская «пирамида», которая в сравнительно-историческом языкознании, опирающемся на процесс дифференциации, стоит якобы на вершине, а в так наз. «новом учении» о языке, признающем родство результатом унификации (скрещения), стоит на основании.

Пирамида, стоящая на основании, не совместима с марровским положением о происхождении всех языков мира от четырех элементов. Что же касается пирамиды, стоящей на вершине, то, согласно принципам генеалогической классификации, общее происхождение имеют отнюдь не все, а только родственные языки; поэтому для изображения процесса дифференциации понадобилось бы много «пирамид». Самый существенный недостаток «пирамиды» заключается в том, что она может изобразить только один процесс в развитии языков, или дифференциацию, или интеграцию; сравнительно-историческое же языкознание признает в истории языков наличие обоих процессов.

4. Не соответствует действительности заявление Н. Я. Марра и его последователей о том, будто К. Маркс и Ф. Энгельс отрицательно относились к генеалогической классификации. Неверно также и то, будто во «Франкском диалекте» Ф. Энгельс категорически выступал против родства языков и вообще против сравнительно-исторического языкознания. В названном труде, так же как и в других своих работах, Ф. Энгельс признавал родство языков по происхождению и считал родственные языки результатом процесса дифференциации.

5. Ничем не обоснованы резкие выступления последователей т. н. «нового учения» о языке против существования языка-основы, как общего источника для определенной группы языков. В противовес утверждениям марристов, общенародные языки существовали на всех этапах развития общества. Признание того,

что из одного языка может возникнуть несколько языков, вовсе не противоречит марксистской точке зрения. Как пишет И. В. Сталин, родство языков не имеет никакого отношения к теории «праязыка».

6. Ученики Н. Я. Марра так часто и усердно нападали на «праязык», что, как отмечалось проф. Л. А. Булаховским, этот термин стал одиозным. Вследствие этого некоторые лингвисты избегали его и после лингвистической дискуссии 1950 г.. Между тем, следует со всей решительностью подчеркнуть, что нельзя признавать генетическое родство языков, не допустив наличия одного исходного языка, из которого путем дифференциации возникли родственные языки. Но что касается самого термина «праязык», он может ввести в заблуждение людей, непосвященных в вопросы языкознания. Праязык, как родоначальник определенной семьи языков, можно спутать с тем библейским первоначальным языком, из которого якобы возникли все языки мира и в существование которого верили еще в XVII—XVIII веках, т. е. до зарождения науки о языке. Поэтому вполне оправдана замена термина «праязык» термином «язык-основа».

7. Объявив, что теория родства языков основывается на расистской концепции, Н. Я. Марр и его последователи не привели никаких доводов для доказательства этого столь тяжкого, сколь-ж(е и голословного обвинения. Эти доводы и неоткуда было взять, так как никакой связи между признанием языкового родства и расизмом не существует. Это утверждение служило лишь одной цели — опорочить основанную на родстве языков генеалогическую классификацию и тем самым расчистить путь для стадильной классификации, созданной Н. Я. Марром в противовес генеалогической классификации.

8. Таким образом, обвинения, выставляемые приверженцами так наз. «нового учения» о языке против генеалогической классификации языков, являются либо результатом недоразумения (например, утверждение, будто бы согласно генеалогической классификации, все языки мира возникли из одного языка: «пирамида, стоящая вершиной!»), либо придуманы для дискредитации

этой классификации (например, будто генеалогическая классификация основывается на расистском принципе и т. д.).

Гл. VII. О значении генеалогической классификации языков. О достоинствах и недостатках сравнительно-исторического метода

1. Подробно рассмотрев положения, выдвинутые в современном языкознании против генеалогической классификации языков, мы убедились в том, что критики этой классификации не приводили каких-либо серьезных доводов, могущих поколебать ее основу. Наличие материального родства языков не вызывает сомнения, следовательно, и классификация языков, опирающаяся на такое родство, является научно ценной.

Группируя языки по принципу их происхождения, генеалогическая классификация тем самым является исторической классификацией. Выяснение родственных отношений языков необходимо для дальнейшего плодотворного применения сравнительно-исторического метода, как единственного научного метода, имеющегося в распоряжении современного языкознания для изучения истории конкретных языков. Именно этим обстоятельством определяется исключительное значение генеалогической классификации для языкознания.

2. Как указал И. В. Сталин, сравнительно-исторический метод имеет серьезные недостатки. Выявление этих недостатков является неотложной задачей языковедов.

Сравнительно-историческое исследование ставит целью изучение истории родственных языков. Отсюда ясно, что недостатки этого метода дают себя знать в тех случаях, когда не удастся или в недостаточной мере удастся проследить историю сравниваемых языков.

Применение сравнительно-исторического метода затрудняется в следующих случаях:

а) когда родственные языки очень близки друг к другу, вследствие чего вместо звуковых соответствий в подавляющем большинстве случаев мы имеем слова и аффиксы с идентичным звуковым составом.

б) Когда родственные языки настолько разошлись, что невозможно установить общность их происхождения.

в) В изолирующих языках, которые не имеют формообразующих аффиксов.

г) В мешанных языках, для исторического анализа которых необходимо выделение слоев различного происхождения.

3. Сравнительно-исторический метод выявляет историю только тех фактов родственных языков, которые имеют общее происхождение, т. е. которые восходят к языку-основе. Поэтому, при определении возможностей сравнительно-исторического метода, естественно возникает вопрос о реконструкции языка-основы.

Реконструкция языка-основы невозможна по следующим причинам:

а) в родственных языках не сохраняются все факты, имевшие место в языке-основе. Поэтому наши знания об этом последнем, приобретенные путем сравнения родственных языков, не могут быть полными.

б) Не все факты языка-основы подвергаются дифференциации в родственных языках. Следовательно, сравнение, основывающееся исключительно на дифференцированных фактах, которые представлены звуковыми соответствиями, не охватывает всех явлений сравниваемых языков.

в) Не все родственные языки доходят до нас, некоторые из них вымирают вследствие исторических обстоятельств. Исчезновение некоторых родственных языков, возникших из того же языка-основы, лишает нас возможности проследить в живых родственных языках все факты, унаследованные ими от языка-основы.

г) Звуковые соответствия, имеющие место в родственных языках, с полной убедительностью указывают на происхождение этих последних из одного источника, но при этом не всегда удается установить, как должны были звучать слова и аффиксы общего происхождения в языке-основе.

Наличие звуковых соответствий в грамматических элементах не всегда указывает на то, что эти элементы имелись и в языке-основе. Возможно, они возникли в родственных языках после их дифференциации независимо друг от друга, но на основе материала общего происхождения.

4. Марристы и находящиеся под их влиянием языковеды без всякого основания смешивали проблему реального существо-

вания языка-основы с проблемой его реконструкции. В противовес утверждениям марристов, А. Мейе и Ж. Вандриес не сомневались в реальности языка-основы индоевропейских языков и отрицали лишь возможность его восстановления. Ясно, что из-за невозможности восстановления языка-основы, нельзя ставить под вопрос реальность его существования.

5. Сравнительно-историческое изучение не охватывает всех явлений сравниваемых языков (Б. А. Серебренников). Оно не дает возможности проследить историю тех фактов в родственных языках, которые не имеют общего происхождения, а возникли в этих последних после их дифференциации или самостоятельно, или же под влиянием других языков. Современное языковедение не располагает специальными методами, в достаточной мере обеспечивающими историческое изучение таких явлений, ибо универсальное сравнение (сопоставление) языков нельзя считать специальным методом, поскольку оно лишь выявляет общие явления в разных языках, но не объясняет их происхождения.

6. Таким образом, недостатки сравнительно-исторического метода заключаются, главным образом, в том, что его возможности ограничены, что он не всегда и не в достаточной мере помогает восстановить историю развития сравниваемых языков, что в некоторых случаях применение этого метода затрудняется. Но это обстоятельство вовсе не дает основания отрицать значение сравнительно-исторического метода. В тех многочисленных случаях, когда его применение не встречает существенных препятствий и в тех границах, о которых говорилось выше, результаты, достигнутые при помощи сравнительно-исторического метода, вполне надежны и весьма ценны.

Трудности, возникающие перед сравнительно-историческим исследованием языков, вызваны сложностью и своеобразием изучаемого материала. Таким образом, трудности эти объективного характера. Для их преодоления необходимо уточнить и усовершенствовать сравнительно-исторический метод в соответствии с особенностями языков различной структуры и восполнить его другими специальными методами.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(стр. 296 — 488)

Гл. I. Морфологическая классификация языков по Фр. Шлегелю

1. Фр. Шлегель не ставил себе целью создать исчерпывающую морфологическую классификацию языков. Он занимался вопросом родства санскрита с латинским, греческим, германскими и персидским языками. Для установления этого родства Фр. Шлегель пытался доказать, что перечисленные языки имеют одинаковую внутреннюю структуру и грамматику, отличную от структуры и грамматики остальных языков мира. С этой целью Фр. Шлегель выделил индоевропейские языки в особую группу флективных языков, а все остальные языки мира он объединил во втором классе под названием нефлективных языков.

2. Несмотря на то, что Фр. Шлегель выделил две основные группы (флективные и нефлективные языки), мы находим у него характеристику всех морфологических типов, которые составляют подгруппу нефлективных языков. В первую подгруппу выделены языки без формообразующих аффиксов; типичным представителем таких языков является китайский. Во вторую подгруппу входят сопологающие (*anfugende*) языки, которые охватывают агглютинативные (баскский, коптский) и инкорпорирующие (американские) — по позднейшей терминологии — языки. Третью же подгруппу составляют языки с «мнимой» флексией, т. е. семитские языки.

3. По мнению Фр. Шлегеля, развитие языков является ступенчатым. Самая низшая ступень представлена в китайском языке, на второй ступени находятся баскский, коптский и американские языки, на третьей ступени — семитские языки, самыми же совершенными являются индоевропейские языки, которые автор называет органическими языками.

Приняв априори мнение о превосходстве флективных языков, Фр. Шлегель не приводит никаких серьезных соображений в пользу своего ошибочного мнения.

4. Надо полагать, что предвзятое мнение о превосходстве структуры индоевропейских языков побудило Фр. Шлегеля ис-

ключить семитские языки из числа флективных языков, несмотря на то, что он заметил наличие в них внутренней флексии.

Кроме того, неправильно признав одним из доказательств родства языков общность их морфологической структуры, Фр. Шлегель был вынужден поместить семитские и индоевропейские языки в разные морфологические группы, чтобы избежать необходимости считать их родственными по происхождению.

Гл. II. Морфологическая классификация языков по Вильг. Гумбольдту

1. Вильг. Гумбольдт, признанный одним из основоположников морфологической классификации, пользовался уже существовавшей до него схемой этой классификации; им не был выделен ни один новый морфологический тип. Не принадлежат В. Гумбольдту и термины, обозначающие морфологические типы, в частности, он не является автором термина «агглютинация».

2. Вопреки общераспространенному мнению, В. Гумбольдт выделял не четыре, а три морфологических типа: изолирующий, агглютинативный и флективный. Инкорпориацию (*Einverleibung*) В. Гумбольдт считал не морфологическим, а синтаксическим типом, т. е. типом предложения.

3. В. Гумбольдт, так же как и Фр. Шлегель, не проводил резкой грани между понятиями агглютинации и инкорпориации.

4. В отличие от Фр. Шлегеля, В. Гумбольдт причислял семитские языки к числу флективных. Он правильно указывал и на то, что не существует чистых представителей морфологических типов.

5. Характерным для понимания В. Гумбольдта в данном вопросе является положение, что различные морфологические типы представляют собой различную ценность и что совершенными являются флективные языки. В этом отношении оценка, даваемая В. Гумбольдтом морфологическим типам по существу не отличается от оценки, даваемой Фр. Шлегелем.

Доводы, приводимые В. Гумбольдтом в пользу положения о превосходстве строя индоевропейских языков, не выдерживают критики:

а) Ничем не доказано положение Гумбольдта, будто бы флективные языки лучше всех других морфологических типов

обслуживают мышление. Фактически неверно также утверждение, что у народов, имеющих «совершенные» флективные языки, лучше развиты интеллектуальные способности, чем у других народов.

б) Глубоко ошибочно положение В. Гумбольдта, в силу которого. изначальный принцип, якобы лежащий в основе каждого языка, ставит преграды, которые данный язык не в силах преодолеть, как бы он ни развивался «в связи с развитием культуры и просвещения».

в) Лишено основания наличие у В. Гумбольдта противоположение подлинной (имеющей место во флективных языках) и «мнимой» (якобы свойственной нефлективным языкам) грамматической формы. В действительности всякая грамматическая структура является подлинной, а мнимой языковой формы вообще не существует.

г) Китайский язык, как изолирующий, В. Гумбольдт, согласно выдвинутому им принципу, должен был бы признать самым неразвитым языком; однако, наличие высокой духовной культуры китайского народа, созданной на основе этого языка, вынудило В. Гумбольдта поставить китайский выше даже агглютинативных языков. Это, неоправданное с точки зрения самого В. Гумбольдта, допущение выявляет внутреннее противоречие исходных положений его концепции.

д) Тенденциозность точки зрения В. Гумбольдта особенно ясно видна из того, что хотя он и причисляет семитские языки к флективным, однако совершенными он их все-таки не считает.

6. Группируя морфологические типы языков по степени совершенства, В. Гумбольдт отнюдь не считает их за этапы развития, исторически следующие один за другим. Идея развития чужда концепции В. Гумбольдта о морфологической классификации языков.

7. По мнению В. Гумбольдта, являющемуся ошибочным, «совершенство языков не связано с прогрессом культуры и просвещения». Это совершенство или отсутствие совершенства заложено в языках изначала. Развитие формы языка не обусловлено и развитием мышления.

Не соответствует действительному положению вещей утверждение В. Гумбольдта, будто бы новые индо-европейские языки (романские языки, английский) находятся на более низкой ступени

развития, чем древние представители этой семьи (санскрит, греческий язык).

Несостоятельны попытки В. Гумбольдта в отдельных случаях объяснить развитие языка лишь воздействием внешних сил, в частности, влиянием более совершенных языков.

Гл. III. Морфологическая классификация языков по Авг. Шлейхеру

1. Авг. Шлейхер, включив инкорпорирующие языки в качестве подтипа в разряд агглютинативных языков, выделяет в своей морфологической классификации три класса языков.

Исходной схемой для Авг. Шлейхера является гумбольдтовская морфологическая классификация. Мнение Авг. Шлейхера о единственном разногласии, якобы существующем между ним и В. Гумбольдтом, на самом деле основано на недоразумении; В. Гумбольдт не выделял инкорпориацию в особый морфологический тип и, следовательно, различие четырех типов произвольно приписывается В. Гумбольдту Авг. Шлейхером (да не только им одним!).

2. Подобно Фр. Шлегелю и Вильг. Гумбольдту, Авг. Шлейхер рассматривает морфологические типы языков как восходящие ступени развития, вершину которых образуют индоевропейские языки. Авг. Шлейхер так же не сумел доказать это положение, являющееся сугубо ошибочным, как не смогли это сделать Шлегель и Гумбольдт.

С точки зрения фактического положения вещей нельзя считать оправданным заявление Авг. Шлейхера, будто бы только флективному типу принадлежат языки народов, имеющих самую передовую историю и культуру, будто другие языки не только не способствуют, но иногда даже мешают развитию культуры. Вопреки утверждению Шлейхера, ни один морфологический тип не может стать помехой для развития культуры и мышления.

В качестве доказательства особого значения флективных языков не пригоден и второй довод Авг. Шлейхера, в силу которого флективные языки, в которых содержание и форма якобы органически сливаются, адекватнее всех остальных языков отражают процесс мышления. Авг. Шлейхер устанавливает чисто ме-

ханическое соответствие между морфологическими типами языков и процессом мышления.

3. Заслуживает внимания попытка Авг. Шлейхера рассмотреть морфологическую классификацию языков в историческом аспекте. Но автору не удалось провести до конца историческую точку зрения. По существу антиисторическими и ненаучными являются положения Авг. Шлейхера, гласящие, что языки с самого возникновения обладали различными способностями к развитию, что языки, стоящие на низшей ступени, никогда не переходят в более высокий класс, что «языковой принцип» неизменим.

4. Неправильное понимание процесса развития языков особенно наглядно проявляется в воззрении Авг. Шлейхера о двух периодах в истории языков, в первом из которых якобы имеет место прогресс, а во втором — деградация языков. Если сначала Авг. Шлейхер уверял, что самая лучшая структура свойственна языкам народов, обладающих высокой культурой и богатой историей, то в дальнейшем — по Шлейхеру — оказывается, что прогресс культуры и истории отрицательно влияет на развитие структуры языка.

Такое внутреннее противоречие обусловлено тем, что, во-первых, совершенство языков Авг. Шлейхер усматривает в свойствах их морфологических типов. Во-вторых, признав без основания флективные языки верхом совершенства и видя при этом, что новые индоевропейские языки стали беднее флексией сравнительно с древними, Авг. Шлейхер по необходимости пришел к неверному заключению о разложении языков, якобы происходящем в исторический период их существования. Надо полагать, что в этом вопросе определенную роль сыграло влияние идей романтизма на мировоззрение Авг. Шлейхера.

5. Основной причиной ошибок Авг. Шлейхера является сильное влияние идеалистической философии Гегеля, лежащей в основе его лингвистической концепции. В частности, от Гегеля исходит неоправданное противопоставление развития языка развитию истории народа.

Основываясь на философии Гегеля, Авг. Шлейхер считает, что в доисторические времена мышление нуждалось в языке, как материальной оболочке, в исторический же период человеческая идея или мышление выявляется в «чистом» виде в истории наро-

да. Ненаучный, идеалистический характер такого суждения не подлежит сомнению.

6. Авг. Шлейхер не сумел на конкретном материале языков показать, в чем заключается распад языков. Его суждения об упадке новых индоевропейских языков неубедительны и полны противоречий. Это вызвано тем, что в действительности языки в историческую эпоху не деградируют, а развиваются вместе с развитием культуры и мышления.

7. Положительным в морфологической классификации Авг. Шлейхера следует считать более широкий охват языков, чем это имело место у Вильг. Гумбольдта, а также детальное описание морфологических типов и подтипов.

Гл. IV. Об основных вопросах морфологической классификации языков

1. Морфологическая классификация языков, которая была создана еще до возникновения сравнительно-исторического языкознания, сохранила вплоть до нашего времени следы донаучного мышления о языке.

История морфологической классификации пока еще недостаточно изучена. Выясняется, что некоторые из общераспространенных положений, касающихся истории этой классификации, не соответствуют действительности (напр., положение о том, что Фр. Шлегель различал только два типа языков или, что В. Гумбольдт выделял четыре морфологических типа и т. д.).

2. Традиционная морфологическая классификация требует ряда поправок и уточнений с точки зрения группировки языков и характеристики отдельных типов.

а) В связи с уточнением данных о грамматическом строе китайского языка, требуется пересмотреть вопрос о характеристике изолирующих языков.

б) Следует разграничить инкорпорацию и полисинтетизм.

в) Полисинтетический тип, как это правильно отмечено в литературе, противостоит аналитическому и синтетическому, а не агглютинативному и флективному типам.

г) Одним из основных недостатков традиционной морфологической классификации является ограниченность охвата языков:

она анализирует сравнительно малое количество языков мира и не учитывает структурных особенностей остальных языков.

Попытки некоторых лингвистов (Мистели, Финка) включить в морфологическую классификацию новые языки, показывают, что вместе с увеличением количества классифицируемых языков увеличивается и число морфологических типов.

3. Основная ошибка, которая допускалась при интерпретации традиционной морфологической классификации, заключается в том, что изолирующий, инкорпорирующий, агглютинативный и флективный типы считались различными ступенями развития, причем флективные языки объявлялись наиболее совершенными. Ни один из защитников такого понимания морфологической классификации не сумел привести каких-либо серьезных доводов в доказательство этого, в корне ошибочного, взгляда.

4. К началу XX в. теория об исключительной ценности флективных языков была отброшена, но в двадцатых годах она возродилась в новом виде. Самыми совершенными были признаны флективные языки аналитического строя (О. Есперсен). За эту глубоко ошибочную теорию ухватились англо-американские реакционные круги, которые, объявляя английский язык верхом совершенства, пытаются в таком «обосновании» найти «научную» опору своих империалистических устремлений, целью которых является установление всемирного господства англо-американских агрессоров.

5. Своеобразную интерпретацию морфологических типов дает Н. Трубецкой, по мнению которого, самыми совершенными являются агглютинативные языки. Сопоставление этого положения с теорией превосходства флективных языков наглядно показывает, что мнение о большем или меньшем совершенстве морфологических типов, как таковых, вообще несостоятельно и сугубо субъективно.

6. Научно необосновано и общественно вредно ставить один морфологический тип выше другого. Изолирующий, агглютинативный, флективный типы не отличаются друг от друга по ступеням развития, они лишь в разных формах выражают одинаковое содержание. Каждый морфологический тип имеет возможность непрерывно развиваться в связи с развитием культуры и мышления. Самым наглядным примером этого является китай-

ский язык, который, несмотря на отсутствие форм словоизменения (склонения, спряжения), свободно обслуживает многовековую культуру великого китайского народа.

Развитие и усовершенствование языка выражается, главным образом, в обогащении его лексического состава и улучшении его грамматического строя. Обе эти стороны могут измениться коренным образом в пределах одного и того же морфологического типа, в то время, как морфологический тип изменяется очень медленно, даже медленнее грамматического строя языка.

7. Вследствие того, что морфологические типы не удалось рассмотреть в историческом аспекте, как восходящие ступени развития, следующие одна за другой, некоторые представители сравнительно-исторического языкознания (А. Мейе, Г. Шухардт, А. И. Томсон) совершенно отказались от морфологической классификации языков и признали ее ненаучной.

Такая оценка неприемлема. После устранения присущих ей недостатков, морфологическая классификация языков может стать полезной для общего языкознания.

Значение морфологической классификации определяется следующими обстоятельствами:

а) Она дает возможность охватить структурные особенности языков и, сравнивая разнообразие типов, делать заключения об общих и специфических закономерностях в структуре языков.

б) Морфологические типы тесно переплетаются с грамматическим строем языков. Поэтому морфологическая классификация языков может дать ценные указания о природе и становлении их грамматического строя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(стр. 489 — 592)

Гл. I. Психологическая классификация языков Г. Штейнтала

1. Основным для концепции Г. Штейнтала является психологическое понимание сущности языка. Считая язык психическим процессом, автор сводит его сущность к формированию представлений.

Психологизм приводит Г. Штейнтала к идеализму, который проявляется в отождествлении языка и мышления, в определе-

нии языка, как внутренней деятельности духа, в игнорировании значения звукового материала языка, а вместе с тем и его коммуникативной функции.

2. Психологическая и идеалистическая концепция лежит в основе классификации языков Г. Штейнталя. Классификация производится по трем принципам, первым из которых является противопоставление форменных (Form-Sprachen) и бесформенных (formlose Sprachen) языков, вторым — противопоставление языков, имеющих подлинный субъект и объект, языкам, не имеющим их, и, наконец, третьим — морфологическая типология языков. Первые два признака автор считает психическими.

3. Г. Штейнталь дает кантовское агностическое определение внутренней формы языка. По его мнению, языковая форма, являющаяся субъективной духовной деятельностью, выражает не отношения между реально существующими предметами и явлениями, а связи представлений, созданных духом сообразно с его собственными закономерностями.

4. Несмотря на то, что основным классификационным признаком Г. Штейнталь считает образование внутренней формы, он не дает конкретного определения этой последней; не выдвигает он также и ясного критерия для различения форменных и бесформенных языков.

Не имея объективного мерил внутренней формы, Г. Штейнталь основывает свою группировку языков на внешней форме, на морфологической типологии, которая, по его словам, является выражением внутренней формы.

Попытка Г. Штейнталя применить в качестве критерия внутренней формы морфологическую типологию языков создает многочисленные противоречия. Оказывается, что языки с «несовершенной» внешней формой (напр., изолирующий китайский или агглютинативный египетский) могут «иметь внутреннюю форму» и, наоборот, «не имеющие внутренней формы», языки способны создать внешнюю форму, свойственную форменным языкам (напр., финский язык). Таким образом, языки, принадлежащие одному и тому же морфологическому типу (напр., изолирующие), оказываются и форменными (китайский) и бесформенными (языки Индо-Китая). Такие противоречия ясно показывают, что внешняя форма не совпадает с внутренней в понимании самого Штейн-

таля и, следовательно, первая не может стать мерилом для второй.

Понимание внутренней формы Штейнталя, на котором основывается группировка языков на форменные и бесформенные, научно неоправдано. Бесформенных языков не существует. Каждый язык выражает отношения между предметами и постольку каждый язык является «форменным».

Невозможно выделять форменные и бесформенные языки на основе того, используют они в роли аффиксов указательные местоимения или нет.

5. Решающим фактором при отнесении того или иного языка к форменным или бесформенным для Г. Штейнталя является культурный уровень народа, говорящего на этом языке. Форменными считаются языки народов, имеющих высокую, многовековую культуру. Этим объясняется то, что форменными Штейнталь считает не только флективные индоевропейские и семитские языки, но также китайский и египетский. Следует отметить, что при установлении основы классификации (principium divisionis) сам Г. Штейнталь не указывает на культурный уровень, как основной критерий своей классификации.

6. Г. Штейнталь, так же, как и другие интерпретаторы морфологической классификации языков, распределяет морфологические типы по ступеням совершенства. Он также думает, что некоторые морфологические типы способствуют развитию культуры и мышления, другие же могут стать помехой для них. В этом отношении для концепции Штейнталя характерны те же пороки, что и для теории Вильг. Гумбольдта, Авг. Шлейхера и др.

Несмотря на то, что Г. Штейнталь располагает морфологические типы по ступеням развития, он (так же как и Фр. Шлегель, В. Гумбольдт и др.) не стоит на исторической точке зрения. Он отрицает возможность перехода языка с низшей ступени на более высокую, он считает, что ничего нового при развитии языка не возникает, что языки в самом зародыше отличаются друг от друга по своим способностям к развитию.

7. Вследствие того, что морфологическая классификация у Г. Штейнталя подчинена делению на форменные и бесформенные языки, мы не находим у него последовательности с точки зрения распределения языков по морфологическим типам. Например,

изолирующий тип расщеплен: индо-китайские языки составляют первую ступень, китайский же перенесен в группу форменных языков. Таким же образом оторван от других агглютинативных языков и египетский. В результате этого изолирующий и агглютинативный типы встречаются как в группе форменных, так и в группе бесформенных языков.

В отличие от Г. Штейнталя, В. Гумбольдт уделял больше внимания единству морфологических типов. Именно поэтому в схеме Г. Штейнталя демонстративнее, чем у Гумбольдта, проглядывает отсутствие соответствия между морфологическими типами и совершенством языков.

8. Неосновательна попытка Штейнталя признать наличие подлинного субъекта и объекта только во флективных языках.

9. Все основные положения, касающиеся классификации языков, взяты Г. Штейнталем у Гумбольдта. Однако, классификация Г. Штейнталя не является простым повторением гумбольдтовской классификации. Положив в основу своей концепции психологическую точку зрения, Штейнталь переработал воззрения Гумбольдта в определенном направлении.

Таким образом, так наз. психологическая классификация Г. Штейнталя представляет собой психологическую интерпретацию гумбольдтовской морфологической классификации языков. Основанная на идеалистических воззрениях, эта интерпретация в принципе неприемлема.

Гл. II. Переработка классификации Г. Штейнталя Францем Мистели

1. Классификация Г. Штейнталя в переработке Фр. Мистели освобождена от той тяжеловесной и путаной психологической интерпретации, которая лишь усложняла теорию морфологической классификации языков. Однако, это не значит, что Фр. Мистели принципиально отмежевался от психологизма, он просто не вдавался в отвлеченные суждения, свойственные работам Г. Штейнталя. Но влияние психологической концепции этого последнего все же проявляется у Мистели в некоторых высказываниях, которые, однако, внутренне не связаны между собою.

2. Сосредоточив свое внимание на чисто языковых моментах, Ф. Мистели выделяет следующие шесть признаков, по которым должна производиться классификация языков: 1) наличие частей речи (низшая форма), 2) типы предложения (высшая форма), 3) строение глагола, 4) степень синтезирования слова, 5) морфологическую типологию, 6) противопоставление форменных и бесформенных языков. Ни один из этих признаков не имеет самостоятельного значения у Мистели, все они служат разносторонней характеристике морфологической классификации.

Перечисленные признаки находим и у Г. Штейнталя, но удельный вес и значение, придаваемое каждому из них Штейнталем и Мистели, различны.

3. Основное различие воззрений Штейнталя и Ф. Мистели заключается в понимании формы языка. Если для Штейнталя форма прежде всего являлась внутренней субъективной деятельностью, то по Мистели форму составляют грамматические средства языка. На основе этого различается форма слов (частей речи), называемая автором «низшей формой» и синтаксическая форма, считаемая им «высшей формой». Каждый язык имеет или низшую или высшую форму или же обе вместе. При таком понимании формы противопоставление форменных и бесформенных языков, являющееся краеугольным камнем концепции Г. Штейнталя, лишается основания.

Наряду с вышеприведенным, у Мистели встречается и штейнталевское понимание формы языка. Однако, придавая ему второстепенное значение и, всецело опираясь на схему Штейнталя, автор не пытается даже обосновать свою точку зрения о различии форменных и бесформенных языков.

4. Противопоставление языков с различным строением слов (языки, не имеющие слов, языки со словами-предложениями, языки с мнимыми словами, языки с подлинными словами) ведет начало от Вильг. Гумбольдта и Г. Штейнталя, но Ф. Мистели придает ему гораздо больше значения, чем В. Гумбольдт и Г. Штейнталь.

В качестве мерила при делении языков для Ф. Мистели служит строение флективных (индоевропейских) языков, слова которых считаются подлинными, слова же других языков, структурно отличные от индоевропейских слов, или объявляются мни-

мыми или же вовсе не признаются за слова. Такая постановка вопроса неприемлема; вместо основательного изучения различной структуры языков, она дает ее ошибочную оценку на основе предвзятого мнения о превосходстве индоевропейских языков.

Деление на языки с подлинными словами, языки с мнимыми словами и языки без слов является отражением порочного воззрения о различной ценности различных морфологических типов, влияния которого не избежал и Ф. Мистели. Следует, однако, отметить, что вопрос о совершенстве морфологических типов занимает у Ф. Мистели далеко не центральное место, как то наблюдается у В. Гумбольдта и Г. Штейнталя.

5. В классификации Ф. Мистели вместо четырех типов традиционной классификации выделено шесть морфологических типов (инкорпорирующий, корне-изолирующий, осново-изолирующий, сопологающий, агглютинативный, флективный). Хотя эти типы встречаются и в классификации Г. Штейнталя, но там они не выделены рельефно. Важно и то, что в отличие от Штейнталя, Ф. Мистели не отрывает друг от друга языки, принадлежащие к одному морфологическому типу. В его схеме китайский помещен рядом с другими изолирующими языками, египетский также занимает подобающее ему место в группе сопологающих языков.

6. Анализ так называемой психологической классификации языков приводит к выводу, что она не является самостоятельной классификацией языков, а представляет собой лишь своеобразную интерпретацию морфологической классификации. Поэтому классификацию Г. Штейнталя и Ф. Мистели следует рассматривать не отдельно, а вместе с традиционной морфологической классификацией языков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

ЭД. СЕПИРА
(стр. 593 — 632)

1. В концепции Эд. Сепира дана по сути дела правильная критика недостатков традиционной морфологической классификации языков. Вместе с тем автор дает основательную характеристику морфологических типов.

2. Исходным для концептуальной классификации языков Эд. Сепир считает своеобразное понимание флексии, согласно которому флексия характеризуется двумя признаками: наличием фузирующей техники (т. е. сплавлением корня и аффиксов) и применением этой техники к реляционным понятиям. Такое понимание противоречиво, ибо в некоторых языках названные два признака не совпадают.

3. В концептуальной классификации языки группируются по функциям формальных или грамматических элементов. На основе выделенных им четырех групп грамматических понятий (I основные (конкретные) понятия, II деривационные понятия, III конкретно-реляционные понятия, IV чисто-реляционные понятия) Эд. Сепир делит языки на чисто-реляционные и смешанно-реляционные. Каждая из этих групп, со своей стороны, имеет по две подгруппы, вследствие чего получаем 4 группы языков: А) простые чисто-реляционные языки (выражают понятия I и IV групп), В) сложные чисто-реляционные языки (выражают понятия I, II и IV групп), С) простые смешанно-реляционные языки (выражают понятия I и III групп), D) сложные смешанно-реляционные языки (выражают понятия I, II и III групп).

Вполне оправдано деление реляционных понятий на чисто-реляционные и смешанно-реляционные.

4. Неудачна попытка Эд. Сепира связать с концептуальной классификацией деление языков по технике образования грамматических понятий и по степени синтезирования слов, поскольку эти три признака не зависят друг от друга.

5. Вопреки заявлению Эд. Сепира, концептуальная классификация не может заменить морфологической классификации языков, ибо эти классификации производятся по разным принципам: в то время, как морфологическая классификация группирует языки по технике образования грамматических категорий, концептуальная классификация основывается на функциях грамматических понятий.

Концептуальная классификация языков вовсе не относится к сфере морфологии. Значение выделенных Эд. Сепиром понятий изучается в семасиологии (конкретные понятия и деривационные понятия) и синтаксисе (реляционные понятия).

6. Концептуальная классификация Эд. Сепира не в состоянии выявить существенные особенности многообразных языков мира.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ЯЗЫКОВЫМ КРУГАМ В. ШМИДТА

(стр. 632 — 698)

1. В. Шмидт ставил себе целью создать более широкие группировки языков, чем семьи родственных языков. Он выделил следующие круги языков: 1) древнейшие языковые круги, которые по географическому распространению делятся на южный, средний и северный (арктический) круги. 2) Первичные языковые круги, в которых также выделяются южный круг, северный круг (куда входят урало-алтайские, индоевропейские, семито-хамитские языки, а также часть северокавказских языков) и средний круг (южно-восточные австралийские языки, большая часть яфетических языков, ряд американских языков и т. д.). 3) Вторичные и третичные языковые круги, которые являются мешаными.

2. В. Шмидт связывал языковые круги с культурными кругами, выделенными им вместе с В. Копперсом; древнейшие языковые круги соответствуют древнейшим культурным кругам, первичные — первичным, а вторичные и третичные языковые круги соответствуют высоким культурным кругам. Внутри первичных кругов имеются такие соответствия: средний языковой круг относится к матриархальному культурному кругу примитивного земледелия, северный языковой круг — к культурному кругу кочевников-скотоводов, а южный языковой круг к охотничьей тотемистической культуре.

3. Методы, применяемые В. Шмидтом для классификации языков, вызывают ряд серьезных возражений:

а) фонетические, морфологические и синтаксические признаки, которыми якобы характеризуются различные языковые круги, выбраны автором случайно, без установления того, существует ли внутренняя связь между ними и этапами развития культуры.

б) При отнесении того или иного явления к определенному кругу решающее значение придается его распространению в современных языках без учета истории данного явления. Автор не утруждает себя выяснением причин, обусловивших отсутствие какого-либо явления в интересующих его языках.

в) При классификации языков В. Шмидт исходит не из языковых признаков, а из культурных кругов. Многочисленные исключения, когда явления, причисляемые автором к определенному кругу, встречаются и в языках других кругов, показывают несостоятельность такого принципа классификации.

4. Неудовлетворителен и анализ отдельных языковых признаков, представленный в работе В. Шмидта. Например,

а) Неправильно мнение, что двойственное и тройственное числа возникли в морфологии после множественного для уточнения этого последнего. В действительности двойственное и тройственное, как более конкретные числа, являются переходными ступенями между единственным и множественным числами.

б) Грамматические категории («классы») человека и вещей не представляют собой трансформированных понятий женского и мужского полов. Эти понятия строятся на двух различных принципах. Неоправдано выделение среднего рода в языках номадской (кочевнической) культуры; так наз. средний род по происхождению представляет собой или класс вещей (включая и животных) или же класс неодушевленных предметов.

в) Противопоставление чисто десятичной и пятерично-десятичной систем счисления выглядит искусственным.

г) Особенно спорны положения, представленные в синтаксисе. Не имеет никакого основания признание препозиционной постановки атрибутивного генетива характерным для языков номадской культуры, а постпозиционной — для языков матриархальной культуры.

5. В классификации В. Шмидта неприемлема увязка отдельных языковых явлений с фактами культуры. Например, неправильно мнение о том, что причиной создания парной системы счисления является наличие моногамной семьи, или что возникновение инклюзива-эксклюзива вызвано локальной экзогамией. Так же неосновательно объяснение гласного анлаута и ауслauta стремлением к красоте или же приписывание постпозиционной по-

становки генетива спонтанному мышлению детей и женщин, а препозиционной — мужскому мышлению. Такой вульгарный социологизм, примеры которого обильно встречаются у В. Шмидта, ненаучен.

6. Классификация по языковым кругам антиисторична, несмотря на заявление В. Шмидта, что она предусматривает более ранние этапы развития языков, чем это в силах сделать генеалогическая классификация языков.

7. В. Шмидту не удалось создать классификации языков, вполне соответствующей культурным кругам. Например, в его классификации культуре бумеранга не соответствует ни один языковой круг. По языковым признакам выделяются только древнейший и средний языковые круги, а южный и северный круги представляют собой результат смешения первых двух. Отсюда следует, что тотемистическая и номадская культурные круги не создали в языках характерных только для них особенностей. Кроме того, непонятно, каким же образом произошло смешение древнейших и первичных (средних) языков, когда В. Шмидт отрицает возможность какого-либо контакта между древними культурами. И, наконец, если язык южного и северного кругов являются мешанными, то их следует отнести не к первичным, а ко вторичным кругам, которые автор действительно считает мешанными. Но в таком случае они оказались бы соответствующими высокому культурному кругу, в то время, как люди, говорящие на них, по В. Шмидту, имели первичную, а не высокую культуру. Еще больше противоречий наблюдается при попытке распределить отдельные языки по языковым кругам.

Все эти недоразумения и противоречия доказывают, что попытка В. Шмидта создать классификацию языков, которая соответствовала бы классификации культурных кругов, окончилась неудачей.

8. Задача, которую ставил В. Шмидт перед собой, вообще неосуществима. Основанная на грамматических (и тем более фонетических) признаках классификация языков не может соответствовать классификации ступеней культуры по следующим причинам:

а) Явления культуры не всегда находят отображение в грамматическом строе языков.

б) Большая часть грамматических категорий выражает такие отношения, обозначение которых одинаково необходимо на различных этапах развития культуры.

в) Языки имеют возможность по разному изображать одинаковую культуру.

г) Темны изменения языка и культуры не совпадают, языки могут долго сохранять пережитки минувшей культуры.

д) Не все изменения языка сводятся к изменению элементов культуры.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

СТАДИАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(стр. 698 — 835)

Гл. I. Стадиальная классификация языков Н. Я. Марра

1. Стадиальную классификацию Н. Я. Марр пытался противопоставить голословно отвергнутой им генеалогической классификации языков. Без всякого основания признав все языки мира возникшими из четырех первичных элементов, Н. Я. Марр искусственно включил их в единый глоттогонический процесс и объявил представителями различных ступеней языкового развития.

2. В так наз. «новом учении» Н. Я. Марра не дается полной классификации языков по стадиям, и, что особенно важно, не устанавливается, что из себя представляет стадия языка, какие признаки характеризуют ее. Таким образом, в учении Н. Я. Марра не указан критерий, в силу которого отдельным конкретным языкам должно быть предоставлено определенное место в стадиальной классификации.

В различных трудах Н. Я. Марра различно понимается и истолковывается стадиальное развитие, в соответствии с чем и в понятие стадии вкладывается существенно различное содержание.

3. Согласно одной схеме Н. Я. Марр объявляет ступенями развития языков морфологические типы языков. При этом он использует традиционное понимание хронологической преемственности морфологических типов (аморфность, агглютинация, флек-

сия). Но, в отличие от традиционного понимания, Н. Я. Марр считает, что языки различного морфологического типа возникли один из другого.

4. С точки зрения группировки языков, вышеназванная схема представляет попытку объединения морфологической и генеалогической классификаций.

Такое объединение морфологической и генеалогической классификаций по существу невозможно, поскольку нет соответствия между морфологическими типами и родственными группами языков. Логическим результатом такого искусственного слияния морфологической и генеалогической классификаций и явилось выделение полистадиальных языков. Если стадия должна пониматься как ступень развития языка, «полистадиальный язык» надо признать понятием внутренне противоречивым.

5. Поскольку стадияльная классификация так или иначе пытается соединить морфологическую и генеалогическую классификации, в результате такого объединения с необходимостью должны получиться две классификационные единицы: стадия (морфологический тип) и система (языковая семья). Но с точки зрения принципа стадияльной классификации допустимо существование лишь одной единственной классификационной единицы, именно, ступени языкового развития. Вследствие такой непоследовательности получается смешение понятий стадии и системы: в одних случаях яфетические языки у Н. Я. Марра признаны стадиями («яфетическая стадия»), в других — они являются системой («яфетическая система»).

6. Согласно второй схеме стадияльной классификации выделены четыре сменяющие друг друга ступени. Самыми совершенными признаны языки четвертичной стадии (индоевропейские языки). Что касается языков, находящихся на первых трех ступенях развития, они объявляются «окаменелыми», «застывшими» языками.

Это положение наглядно выявляет научную несостоятельность стадияльной классификации Н. Я. Марра. По заявлению последнего, стадияльная классификация должна группировать языки по ступеням их развития, в действительности же вышеназванная классификация содержит «окаменелые» языки, языки, лишенные способности развиваться. «Но живых языков, лишен-

ных способности развиваться, наука о языке фактически не знает и в принципе признать не может. Каким бы архаическим языком не считал акад. Н. Я. Марр китайский язык, последний, как язык живой, развивался, безусловно развивается и будет развиваться и преуспевать в соответствии с хозяйственным развитием Китая вопреки стадияльной философии акад. Н. Я. Марра» (А. С. Чикобава).

7. По мнению Н. Я. Марра причиной потери языком способности к развитию является отход данного языка от Средиземноморского бассейна, который с определенных времен был признан Н. Я. Марром центром возникновения человеческой речи. Такое объяснение, прежде всего, глубоко механистично: оно отрицает возможность развития всех языков. К тому же утверждение, будто все языки ведут начало из Средиземноморского бассейна, высказано Н. Я. Марром без всякого обоснования.

8. С точки зрения принципа стадияльного развития, каждая последующая стадия должна представлять собой преобразование предшествующей, но в трудах Н. Я. Марра предпочтение дается воззрению, в силу которого все системы языков ведут свое происхождение от яфетических языков. Это непоследовательно и противоречиво с точки зрения принципов самого Н. Я. Марра. Это неверно и фактически.

9. Причиной стадияльных трансформаций Н. Я. Марр считает перевороты, происходящие в общественном строе и процессе производства. В качестве примера такого преобразования Н. Я. Марр называет трансформацию яфетических языков в индоевропейские языки, что, по его мнению, было связано с открытием металлов и их использованием в хозяйстве. Такое понимание, как справедливо на это было указано в дискуссии по вопросам языкознания проф. А. С. Чикобава, содержит два противоречия: а) Если творцами металлургии являлись яфетиды, непонятно, почему именно яфетические языки не оказались на новой ступени развития? б) Если яфетические языки претерпели трансформацию, то как же объяснить факт существования этих самых языков рядом с якобы развившимися из них индоевропейскими языками?

10. Положение Н. Я. Марра, утверждающее, что перевороты, происходящие в социальном строе и производстве, вызывают

возникновение различных языковых стадий, основывается на признании надстроечного характера языка.

И. В. Сталин установил, что положение о надстроечном характере языка не является марксистским и лишено научного основания: изменение экономического строя не вызывает коренного изменения языка и возникновения нового языка, не говоря о том, что переход языка к новому качеству не происходит путем взрыва.

11. Если толковать трансформацию языка, как результат социального переворота, как это имеется у Н. Я. Марра, нет необходимости прибегать к теории скрещения для объяснения факта стадийного развития. Несмотря на это, Н. Я. Марр решающее значение для стадийной трансформации приписывает именно скрещению, понимаемому им не по марксистски.

12. В корне ошибочные, вульгарно-материалистические принципы, лежащие в основе стадийной классификации языков Н. Я. Марра, являются причиной полной неудачи, постигшей эту классификацию.

Гл. II. Стадийная классификация языков по И. И. Мещанинову

1. Стадийная классификация языков в продолжение многих лет специально изучалась И. И. Мещаниновым. И. И. Мещанинов не ставил себе целью стать новатором в деле классификации языков, он стремился лишь дать сводку основных высказываний Н. Я. Марра и применить положения Н. Я. Марра к материалу конкретных языков.

Несмотря на это, воззрения И. И. Мещанинова, лежащие в основе его стадийной классификации, в значительной степени отличались от воззрений Н. Я. Марра. Разница во взглядах И. И. Мещанинова и Н. Я. Марра сводится к следующему:

а) В понимании И. И. Мещанинова единый глоттогонический процесс основывался лишь на общности путей развития языков и рассматривался независимо от четырехэлементной теории, в то время, как Н. Я. Марр увязывал все языки мира между собой также и материально, считая их возникшими из четырех первоначальных элементов.

б) В отличие от Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов подчеркивал, что перевороты в общественной жизни отражаются в языке не непосредственно, а опосредствованным через мышление путем.

в) Хотя И. И. Мещанинов, так же как и Н. Я. Марр, придавал скрещению исключительное значение в развитии языков, однако, в отличие от Н. Я. Марра, он не применял теории скрещения в стадийной классификации языков.

2. Вышеприведенные отклонения от позиций Н. Я. Марра дали возможность И. И. Мещанинову избежать некоторых противоречий, встречающихся в стадийной классификации Н. Я. Марра, именно:

а) Вследствие того, что И. И. Мещанинов не опирался на четырехэлементную теорию в стадийной классификации, ему удалось избавиться от необходимости объявить все конкретные языки мира образовавшимися один из другого в результате их трансформации.

б) По той же причине в классификации И. И. Мещанинова не возникало вопроса об «окаменелых», «реликтовых» языках, которые Н. Я. Марр, без всякого основания, считал потерявшими способность развиваться.

в) У И. И. Мещанинова отсутствовала также и т. н. теория Средиземного моря, которую Н. Я. Марр применял для объяснения «окаменения» языков.

г) Так как И. И. Мещанинов не прибегал при объяснении стадийного развития языков к теории скрещения, в его классификации отсутствовало то противоречие, которого не удалось избежать Н. Я. Марру, вследствие несовместимости принципов скрещения и трансформации.

3. При определении принципов стадийной классификации И. И. Мещанинов полностью разделял положения Н. Я. Марра о том, что:

а) язык представляет собой надстроечное и классовое явление (в классовом обществе).

б) Что язык, как надстройка, развивается путем внезапных и резких сдвигов, путем взрывов. Стадийная классификация языков И. И. Мещанинова, так же как и классификация Н. Я. Марра, основывается на коренных сдвигах («трансформационных изменениях») в развитии языков.

4. Схемы стадильной классификации И. И. Мещанинова существенно отличаются от схем Н. Я. Марра. Классификация И. И. Мещанинова является синтаксической в то время, как схемы Н. Я. Марра представляют собой объединение морфологической и генеалогической классификаций.

Типы, выделенные по морфологическому принципу, не совпадают ни количественно, ни с точки зрения группировки языков, с типами, выделившимися по синтаксическому принципу. Не совпадают также и, сгруппированные в этих двух классификациях, языки.

5. Схемы И. И. Мещанинова и Н. Я. Марра различаются также и с точки зрения постановки некоторых других вопросов:

а) В классификации Н. Я. Марра объединение морфологической и генеалогической классификаций с внутренней необходимостью обусловило выделение двух классификационных единиц — стадии и системы. И. И. Мещанинов не ставил вопроса об отношении типологической классификации к генеалогической, поэтому он изъясил системы из стадильной классификации и объявил их независимыми от стадий.

б) И. И. Мещанинов ставил яфетические языки в один ряд с другими языками в то время, как Н. Я. Марр считал все остальные языки мира возникшими из яфетических языков.

в) У этих авторов различно также и понимание полистадийности яфетических языков: по Н. Я. Марру разные яфетические языки находятся на разных стадиях, по И. И. Мещанинову же в каждом яфетическом языке одновременно выделяется несколько стадий.

6. Из трех схем стадильной классификации И. И. Мещанинова вторая (1936 г.) представляет собой переработку и уточнение первой (1935 г.). Что же касается третьей схемы (1940 г.), то ее отношение ко второй схеме можно охарактеризовать следующим образом:

а) В основе второй схемы лежит стадильная типология мышления. В третьей же схеме не ставится вопрос о взаимоотношении синтаксических типов и ступеней развития мышления. Этим нарушается положение так наз. «нового учения» о языке, требовавшее увязки стадильной классификации языков с перио-

дизацией истории мышления, которой надлежало быть отражением коренных сдвигов в общественной жизни.

б) Во второй схеме каждый последующий тип является преобразованием предшествующего, в третьей же схеме синтаксические конструкции не следуют хронологически одна за другой. Следовательно, классификация не является исторической; она не отражает единого глоттогонического процесса в развитии языков.

в) В то время, как во второй схеме каждая конструкция предложения создает самостоятельную стадию, в третьей схеме не все выделенные типы дают отдельные стадии и, таким образом, классификация языков, представленная в третьей схеме, фактически не является стадильной классификацией.

7. Таким образом, попытка И. И. Мещанинова построить стадильную классификацию языков на основе так наз. «нового учения» о языке, окончилась полной неудачей. Несмотря на то, что, стремясь сгладить резкие противоречия, И. И. Мещанинов внес поправки в принципы стадильной классификации Н. Я. Марра, ему не удалось разработать стадильной классификации. Такой результат является закономерным, поскольку понятие стадии в трудах И. И. Мещанинова осталось таким же неопределенным, как и у Н. Я. Марра; этим обстоятельством и объясняется тот факт, что И. И. Мещанинов с такой легкостью подменил морфологическую классификацию Н. Я. Марра собственной синтаксической классификацией.

8. Невозможно строить стадильную классификацию языков на коренных, «трансформационных» изменениях или же взрывах в развитии языков по той причине, что «переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества» (И. В. Сталин).

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ЯЗЫКОВЫМ СОЮЗАМ

(стр. 836—914)

1. У основоположника учения о союзе языков (Sprachbund) Н. С. Трубецкого встречаем двойное истолкование понятия «союз языков». В своем выступлении на первом международном кон-

грессе лингвистов (в 1928 г.) Н. С. Трубецкой применял этот термин по отношению к таким языкам, которые, по его словам, обнаруживают большое сходство в синтаксическом отношении, в принципах морфологического строя и большое количество общих «культурных слов» (Kulturwörter), а иногда и внешнее сходство в составе звуковой системы, но не имеют систематических звуковых соответствий в звуковом облике морфологических элементов и общих слов основного словарного фонда.

При таком понимании языковой союз и языковая семья не исключают друг друга, они являются независимыми друг от друга группировками и считаются результатом различных процессов: семья основывается на дифференциации, союз — на сближении. Но и здесь чувствуется противопоставление этих двух классификаций, поскольку изучению языковых союзов придается несравненно больше значения, чем изучению родственных языков.

Вышеприведенное понимание языкового союза совершенно не обосновано. Это понятие применяется к таким языкам, родство которых еще не установлено или сомнительно, иначе говоря, по этому принципу группируются языки, не изученные с историко-генетической точки зрения. При этом остаются невыясненными основные вопросы, а именно: какого рода сходство между языками является характерным для языкового союза? Чем по существу отличается изначальное родство языков (родство по происхождению) от «вторичного родства» (вследствие сближения), которое признается за основу союза языков?

2. Если вначале Н. С. Трубецкой считал союз языков группировкой, существующей независимо и рядом с языковой семьей, то впоследствии это понятие вовсе вытеснило понятие языковой семьи. Н. С. Трубецкой изменил интерпретацию происхождения семьи родственных языков; индоевропейские языки, которые изучены лучше, чем языки других семей, и считаются возникшими в процессе дифференциации одного языка-основы, он объявил продуктом сближения языков различного происхождения. Таким образом, сближение языков заменяет у Н. С. Трубецкого процесс дифференциации языков; первым исключается второй. Тем самым дается упрощенная и, по существу, неверная картина развития языка, так как в действительности неопровержимым фактом является как интеграция, так и дифференциация языков, протекающие различно в зависимости от общественных условий.

3. Доводы, приведенные Н. С. Трубецким против родства языков, возникшего в результате их дифференциации, не могут поставить под сомнение реальность изначального родства языков одной и той же семьи.

Лишено обоснования и его заявление о том, что звуковые соответствия в родственных языках могут возникать и в результате заимствования.

Не соответствует также действительности положение Н. С. Трубецкого, гласящее, что индоевропейские языки первоначально не были родственными и только впоследствии сблизилась в результате территориального контакта. Истории не известны факты, когда неродственные по происхождению языки становились бы родственными вследствие длительного соседства.

Для определения близости индоевропейских языков, совершенно недостаточно тех шести структурных признаков, которым Н. Трубецкой придает больше значения, чем звуковым соответствиям.

Мало чем обосновано положение, согласно которому индоевропейские языки представляют мост между урало-алтайскими и средиземноморскими (семитскими и иберийско-кавказскими) языками.

4. Из всего сказанного естественно вытекает вывод, что оба варианта определения языкового союза, которые находим у Н. Трубецкого, лишены какого бы то ни было реального основания и поэтому неприемлемы. Несмотря на это, учение о союзах языков нашло довольно широкий отклик в зарубежном языкознании. К нему сочувственно относятся такие лингвисты, как Пизани, ван Гиннекен, Уленбек, Деетерс, Броккельман, представители неолингвистики и др.

Особенно увлекались этой классификацией пражские структуралисты (Р. Якобсон, В. Скаличка), которые попытались применить идеи Н. Трубецкого к конкретным языкам. Р. Якобсон выделил так наз. «евразийский языковой союз», который, по его словам, охватывает обширную территорию от Восточной Европы вплоть до Северной Азии.

5. Ознакомление с «евразийским языковым союзом» показывает, что эта группировка не отвечает даже тем требованиям, которые предъявлял к союзу языков Н. С. Трубецкой. По определе-

нию Н. С. Трубецкого, языки, входящие в один союз, должны иметь одинаковую морфологическую и синтаксическую структуру и общие культурные слова, тогда как «евразийский союз» строится всего-навсего на двух фонологических признаках, а именно, на монотонии, т. е. отсутствии интонации и на различии твердых и мягких согласных. Несомненно, что объединение многочисленных неродственных по происхождению языков только лишь по двум, пусть даже существенным, фонологическим признакам не может иметь никакой научной ценности. Одновременно выясняется, что те же самые явления встречаются и вне «евразийского союза». Следовательно, эти совпадения носят случайный характер и вовсе не являются результатом сближения языков, как это думают пражские структуралисты. Таким образом, становится несомненным, что никакого «евразийского языкового союза» не существует.

6. Совершенно несостоятельна и общая теория союза языков, представленная в работах пражских лингвистов. Точнее говоря, тут мы не имеем никакой теории. Голословно заявляя, что союз языков возникает в результате сближения языков, пражские структуралисты не пытаются исследовать и показать конкретные пути сближения, считают излишним говорить об этих путях и удовлетворяются лишь описанием общих черт в соседних языках. При этом они не отрицают того факта, что общие черты могли возникнуть не только в процессе сближения, но также и в результате параллельного развития или дифференциации одного языка-основы. Смещение этих существенно различных процессов развития ясно показывает, что «языковой союз» понятие несовместимое с принципами исторического языкознания.

Этим последним обстоятельством и объясняется противопоставление союзов языковым семьям, т. е. группировкам, выделяемым по историческому принципу. Хотя пражские структуралисты на словах и не отрицают генетического родства языков, но они всячески умаляют значение изучения семей языков и все свое внимание сосредоточивают на языковых союзах, т. е. на статическом изучении языков.

7. Своеобразное понимание языкового союза дает Г. Беккер, по определению которого союзы языков представляют собой независимые от языковых семей группировки, причиной возникно-

вения которых он считает общую культурно-историческую среду. Сближение языков осуществляется не путем скрещения, а посредством заимствований. При этом, в отличие от Н. С. Трубецкого, Г. Беккер не допускает существования звуковых соответствий между языками, объединенными в один союз.

При характеристике европейского союза языковые признаки Г. Беккером или вовсе не учтены (за исключением лексического состава), или же описаны чрезвычайно неубедительно. Наличие заимствований определенного количества слов и выражений не является достаточным основанием для того, чтобы говорить о союзе европейских языков.

8. Суждения Г. Беккера относительно языкового союза внутренне связаны с концепцией автора о сущности языка. Несмотря на то, что Г. Беккер ставит вопрос о зависимости истории языка от истории общества, говорящего на данном языке, основные положения его концепции неверны.

а) При установлении закономерностей развития языка необходимо исходить не из письменного языка, как это делает Г. Беккер, а из общенародного разговорного языка.

б) Чередование подъема и упадка, периодические вершины и кризисы не являются непреложным законом развития языка, как это представляется Г. Беккеру. Ненаучны и рассуждения автора о «старости» языков европейского союза и о необходимости их омоложения.

в) Первоисточником ошибок Г. Беккера является биологизм его теории, представляющей собой результат произвольного уподобления языка живому организму.

9. Рассмотрение проблемы союза языков у различных авторов показывает, что, несмотря на значительные различия в их взглядах, союз языков представляется всем им результатом интеграции (сближения) разнородных языков. Поэтому «союзы языков» — классификация того же порядка, что и «системы языков» Н. Я. Марра, при этом марровские «системы» ближе всего стоят к «союзам языков» в понимании Н. С. Трубецкого.

Разницу во взглядах этих авторов создает понимание ими процесса интеграции. По Н. Я. Марру «системы языков» возникли путем скрещения; Н. С. Трубецкой ссылается на географический контакт, как на условие образования союза языков, сущест-

ва же самого процесса сближения он не разъясняет; по мнению Г. Беккера, сближение языков осуществляется путем заимствования.

10. Основным недостатком классификации языков по союзам является то, что ее авторы или вовсе не касаются сущности процесса интеграции языков, или рассматривают этот процесс чрезвычайно поверхностно. Суждение о сближении языков носит весьма отвлеченный характер и лишено всякой убедительности.

Поскольку сущность интеграции языков не изучена, естественно, что основанная на этом процессе классификация должна быть неудовлетворительной. Действительно, известные до настоящего времени союзы языков не представляют собой языковых группировок, имеющих реальное основание. Ни одному автору не удалось показать, по каким конкретным признакам выделяется понятие «союза языков».

Причину этого надо искать в том, что интеграция путем скрещения (и тем более заимствования из одного языка в другой) не дает необходимой основы для классификации языков.

11. Поскольку союз языков и языковая семья основываются на различных процессах в развитии языков (союз — на интеграции, семья — на дифференциации), эти группировки не могут исключать друг друга. А между тем, у интересующих нас авторов союз языков или вовсе отрицает языковую семью, или слишком ограничивает и обесценивает ее значение. Это является результатом недооценки процесса дифференциации, обусловленной тем, что развитие языков рассматривается этими авторами вне связи с теми общественно-историческими условиями, которыми они вызываются. Не учитывается то обстоятельство, что если на данном этапе господствует интеграция, то в доклассовом родовом обществе должна была преобладать дифференциация языков.

Сосредоточение внимания вместо языковой семьи на языковом союзе знаменует собой перенос центра тяжести с исторического языкознания на статическое изучение языков. Тем самым в сфере исследования конкретных языков обнаруживается та общая тенденция отхода от историзма, которая характерна для современного идеалистического языкознания.

12. Отстоять родство языков по происхождению и отстоять сравнительно-исторический метод — это значит отстоять принцип историзма. Поэтому марксистское языкознание, которое твердо стоит на точке зрения историзма, уделяет большое внимание семьям родственных языков и их изучению при помощи сравнительно-исторического метода. Что же касается классификации по языковым союзам, то эта классификация, вследствие присущих ей органических недостатков, не может дать что-либо ценное науке о языке.

Само собой разумеется, что изучением фактов родства, т. е. явлений, обусловленных общим происхождением, не исчерпывается история родственных языков. Необходимо изучение и тех явлений, которые возникли в этих языках после их дифференциации независимо друг от друга или же в результате влияния на них других языков. Но исследованием этих явлений не должно быть подменено изучение генетического родства языков, оно может служить лишь восполнению картины развития родственных языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(стр. 915 — 925)

Рассмотрев принципы, лежащие в основе семи классификаций языков, мы имеем возможность сопоставить эти классификации и вывести общие заключения о месте и значении каждой из них.

Основной и самой значительной является генеалогическая классификация, которая связана с сравнительно-историческим изучением языков. Скептическое отношение к этой классификации в современном идеалистическом языкознании не имеет объективного основания: за полтора века своего существования генеалогическая классификация вполне оправдала себя, как научная классификация языков.

Традиционная морфологическая классификация имеет два серьезных недостатка: первый из них связан с неверной интерпретацией морфологических типов (положение о неравноценности морфологических типов и о превосходстве флективных языков), а второй недостаток заключается в том, что эта классификация

не учитывает структурных особенностей многих языков. Но эти недостатки вполне устранимы. Поэтому было бы неправильным отказаться от морфологической классификации, которая ценна тем, что дает возможность типологического сопоставления языков. Такое сопоставление вполне оправдано с точки зрения общего языкознания.

С морфологической классификацией связаны психологическая и концептуальная классификации.

Первая из них не представляет собой самостоятельной классификации. С точки зрения группировки языков она является разновидностью морфологической классификации. Что же касается психологической интерпретации этой классификации, она совершенно неприемлема.

Концептуальная классификация, которую Эд. Сепир тщетно пытался заменить морфологическую классификацию, непригодна в качестве группировки языков.

Остальные три классификации следует рассматривать в их отношении к генеалогической классификации языков, поскольку все они более или менее противопоставляются этой последней.

Такое противопоставление сравнительно слабо проявляется в классификации В. Шмидта, но и здесь автор считает, что языковые круги глубже проникают в историю языков, чем языковые семьи. В действительности классификация В. Шмидта вовсе не является исторической. Классификация по языковым кругам не имеет реального основания, а увязка языковых кругов с культурными кругами искусственна и объективно неоправдана.

Стадиальная классификация выявляет сходство с классификацией по языковым союзам как в негативной, так и в позитивной части. Обе они отрицательно относятся к генеалогической классификации языков, обе опираются на процесс сближения языков, хотя этот процесс не дает основания для группировки языков; наконец, обе эти классификации по существу антиисторичны. Именно по этим причинам, как стадиальная классификация, так и классификация по языковым союзам ненаучны.

Таким образом, из семи классификаций остаются две: генеалогическая и морфологическая. Это самые старые классификации в языкознании, с ними (в особенности с генеалогической классификацией) связано как возникновение, так и развитие науки о

языке. Все последующие попытки построить новую классификацию языков оканчивались неудачей. Это вовсе не означает, что названными двумя классификациями исчерпаны все возможности группировки языков. Неприемлемость рассмотренных выше классификаций вызвана ошибочными принципами, лежащими в их основе, но принципиально вполне допустимо построение новых классификаций языков, строящихся по другим признакам. Так, например, рядом с морфологической возможна и синтаксическая классификация языков, мыслима также группировка языков с точки зрения образования в них частей речи и т. д.